

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Акт первый. Сцена первая	8
Акт первый. Сцена вторая	32
Акт второй. Сцена первая	52
Акт второй. Сцена вторая	74
Акт второй. Сцена третья	94
Акт второй. Сцена четвертая	116
Акт второй. Сцена пятая	139
Акт второй. Сцена шестая	157
Акт второй. Сцена седьмая	179
Акт второй. Сцена восьмая	200
Акт второй. Сцена девятая	220
Акт третий. Сцена первая	242
Акт третий. Сцена вторая	261
Эпилог	281

ПРОЛОГ

Верона. Октябрь 1979 год. Театр «Олимпико»

Тишина в гримерке была обманчивой. Густая, тяжелая, словно перед грозой, она звенела под сводами высоких потолков. Лучия смотрела в зеркало, но не узнавала себя. Грим лег идеально: бледная кожа, алые, будто окровавленные, губы, огромные глаза, подведенные так, что в них читался немой ужас. Это была маска ее героини, но сегодня вечером она приросла к коже намертво.

Актриса провела пальцем по строчкам в сценарии. Последний монолог Коломбины. Красивые слова дышали отчаянием. На полях чьей-то нервной рукой было выведено: *«Скажи это так, будто у тебя больше нет надежды. Ты же понимаешь, что это больше не игра»*.

Чья это была пометка? Режиссера? Ее собственная — из другой жизни? Она не могла вспомнить. В голове звенело.

За дверью — аплодисменты. Занавес вот-вот должен был подняться. Пора.

Лучия чувствовала кожей: что-то не так. Воздух в театре изменился — стал острым, колючим, пронизанным незримым током чьего-то ожидания. Не зрительского. Того, кто наблюдал из темноты зала, из-за кулис, из самой тени.

Она поднялась с места, и платье зашелестело, как осенняя листва. Ей казалось, что за ней наблюдают из каждой щели, каждого пятна на стене. Театр, ее единственный дом, стал чужим и враждебным. Каждая скрипучая половица, каждый шорох ткани казался намеком, который она не в силах была расшифровать.

— Тебя все ждут. Я буду рядом, все пройдет хорошо.

Знакомый голос — такой заботливый. И взгляд, полный поддержки. Лучия слабо улыбнулась. Может, зря она так волновалась?

Свет софитов ударил в глаза, ослепив. Где-то внизу, в темной, зыбкой бездне зала, зашевелились тени. Сердце колотилось в груди.

Актриса играла так же хорошо, как и всегда. Идеально отрепетированные движения и фразы. И только когда настало время последнего монолога, она как будто ожила. Слова лились рекой, затапливая и поглощая сознание, сливаясь с ее собственными чувствами. Бокал с отравленным, по сценарию, вином дрожал в руке. Лучия не знала, где ложь, а где правда.

ТЕАТР ЗАКРЫТ

*«Любовь моя была отравой сладчайшей.
Вы жаждали страстей — и вот вам пища ваша.
Я утоляю вашу жажду кровью собственного сердца,
А сей напиток пью за ваше здравие.
Прощайте же! И смейтесь, смейтесь громко.
Все маски сброшены, да здравствует свобода!
Душа моя здесь не на месте, требует покоя.
Хочу я перестать играть — и стать собою».*

Стихли последние слова. Настало время последнего поступка. Решения. Наверное, Лучия боялась лишь потому, что никогда раньше не играла смерть.

Она сделала глоток — слишком медленно, не так, как стоило бы ее героине. На мгновение показалось, что вино просто слишком кислое. Потом появились тошнотворная сладость и горечь миндаля.

Бокал выскользнул у нее из рук и, упав, разлетелся на осколки. Лучия этого не заметила. Не закричала. Лишь посмотрела в самую гущу темноты зала, пытаясь разглядеть того, кто захотел отнять у нее жизнь.

И улыбнулась пустой, сломленной улыбкой Коломбины, прежде чем сделать свой последний вдох.

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Верона. Октябрь 2019 год. Театр «Олимпико»

Яркое осеннее солнце, пробиваясь сквозь тени деревьев, золотило выцветшие фасады, резные балконы и черепичные крыши Вероны. Воздух, густой и сладкий, был пропитан ароматами утра: горьковатым эспрессо из кофейен, свежей выпечкой из пекарен и едва уловимой сыростью после дождя.

— Хорошего дня, синьора!

— Grazie*.

Ирен вышла из такси и прикрыла глаза, позволив теплу ласкать бледную кожу лица. После пяти лет затворничества в безликом миланском квартале эта чувственная мощь Италии обрушилась на нее почти с физической силой. Она вдыхала ее, как кислород, пытаясь заглушить тревогу, свинцом засевшую под ребрами. Дом... Вся ее жизнь прошла здесь.

* Благодарю (итал.).

До площади было недалеко. Ирен попросила остановить такси не у дверей театра — хотела прогуляться. Вспомнить прошлое, успокоить колотящееся сердце. Там, куда лежал ее путь, играла музыка, начинал шуметь рынок, но здесь, в лабиринте узких переулков, по утрам царила почти церковная тишина, сколько Ирен себя помнила.

Она шла медленно, изредка глядя по сторонам. Пальцы нервно сжимали уголок сумки. Воспоминания накатывали волнами. Людей было мало, никто ее не замечал.

Вот перед глазами появилось небольшое уютное кафе, где она сидела с Лоренцо после премьер, дрожа от счастья, влюбленности и шампанского. А рядом — тесный переулок, где они целовались на закате, точно подростки. Он тогда говорил, что их дуэт будет вечным. А вечным оказалось лишь предательство. Тишина. Долгая, унижительная тишина забвения. Как давно это было... И словно совсем недавно.

Теперь она вновь шагала по знакомой до боли улице, ведущей к площади. Каблуки стучали по асфальту. И зачем она сюда приехала? Зачем согласилась на новую роль? Роль Коломбины из печально известной пьесы сорокалетней давности. Все боялись повторить судьбу той погибшей актрисы, отказывались, но роль была перспективной. Сулила большие деньги, известность. А Ирен очень нужны были деньги. Актрисе, привыкшей к состоятельной жизни, тяжело далось добровольное заточение.

Свои накопления она потратила быстро, а работать где-то кроме театра так и не научилась. Попытки стать сценаристом не принесли желаемого результата. Ее жизнью была сцена.

Пожалуй, это и стало второй причиной. Вне сцены Ирен ощущала себя лишней, пустой, неинтересной. Все сломалось, после того как она уехала. И вот ей впервые за пять лет предложили роль. Конечно, актриса ухватилась за эту возможность вернуться как за последний шанс снова оказаться на своем месте. И встретиться со своими демонами, чтобы наконец победить их. Показать Лоренцо и остальным, что она изменилась, стала сильнее. Все актеры пьесы были ей знакомы, и с каждым — к счастью или к сожалению — ее связывала своя история. А Коломбина... была чем-то на нее похожа.

Наконец впереди замаячил высокий фонтан в виде статуи девушки, а за ней — колокольня. Улицы плавно вливались в площадь, и вот Ирен уже стояла посреди маленького сердца Вероны. Жители не торопясь шли на работу. С левой стороны расположились торговые палатки, и только возле одной из них топтался хозяин. Итальянцы не любили спешить, и даже магазины иногда не открывались вовремя — что уж говорить о рынке. Туристы пока не показывались.

Взгляд Ирен сразу упал на театр «Олимпико». Он возвышался в стороне, мощный и торжественный, — гордость Вероны. Фасад из потемневшего от времени мрамора был аскетично красив и ды-

шал не парадным блеском, а вековым достоинством. Две высокие колонны располагались слева и справа, к ним вела отполированная лестница. Бронзовая табличка, начищенная до блеска, громко свидетельствовала: „Fondato nel 1577“*.

Ирен стояла, запрокинув голову, вглядываясь в решетчатые окна-глазницы вытянутой формы. Это был ее театр. Тот самый, где она когда-то, юная и голодная до славы, играла в массовке. А потом получила свою первую главную роль и ловила на себе восторженные взгляды. Многие стремились сюда попасть, мало кто выдерживал все испытания.

Теперь она вернулась. Но не триумфатором, а беглецом, прижатым к стене долгами, незаслуженно скандальной репутацией и тихим отчаянием. Что ж, это была ее возможность показать свой талант, доказать, что ей есть место в этом театральном мире.

Ирен поднялась по ступенькам и потянула на себя тяжелую ручку массивной деревянной двери. Та поддалась, с тихим, почти церемонным скрипом, впуская ее внутрь. И легкие наполнил знакомый запах — запах ее прошлой жизни. Не просто бархата, роскоши и старого дерева, а сложный, многослойный букет: воск для паркета, сладковатый запах увядающих цветов, легкая, приятная сырость. Благородный, музейный аромат, хранящий память о тех, кто выходил на подмостки еще очень давно, смеялся, плакал и жил под взглядами зрителей.

* Основан в 1577 (*итал.*).

Фойе было просторным и холодным, а с потолка спускались блестящие хрустальные люстры, чьи подвески тихо звенели от сквозняка. Стены были сплошь увешаны фотографиями в золоченых рамах — лица ушедших актеров, застывшие в профессиональных улыбках. Их глаза, казалось, следили за каждым шагом.

Сердце Ирен сжалось. Она провела рукой по древнему мрамору. Здесь, в этих стенах, время текло иначе. Оно хранило все — и ее позор тоже. Слезы от ужасной несправедливости, споры с режиссером, которые ни к чему не привели.

Задумавшись, актриса не сразу услышала шаги со стороны лестницы. Мягкие, спокойные, неторопливые. Обернувшись, Ирен увидела невысокого, безупречно одетого мужчину — Роберто Армани, заведующего труппой. Раньше она лишь мельком замечала его силуэт в театре: они не работали вместе. Но именно он в этот раз предложил ей роль.

— Синьора Романо, добро пожаловать домой, — произнес он со спокойной улыбкой, и его уверенный голос, казалось, обволакивал. — Хотя, разумеется, «дом» — громкое слово. Для вас дом — это всегда сцена. Все остальное — лишь спектакль.

— Добрый день, синьор Армани. Очень верные слова.

Мужчина снова улыбнулся, но больше ничего не сказал — новые шаги, на этот раз твердые и быстрые, нарушили тишину. По лестнице спускалась женщина в идеально скроенном черном платье, с лицом,

как будто высеченным из театрального мрамора. В руках у нее было несколько папок.

— О, вы все же приехали. Я боялась, что переживаете.

Холодный голос сочился ядом, и в нем отчетливо слышался немецкий акцент региона Трентино.

— Я всегда держу слово, — парировала Ирен.

— Это замечательно. Я ваш режиссер-постановщик, Анна Бьянки. Кажется, мы раньше не встречались, но я много о вас слышала. Должно быть, непросто было набраться смелости вновь приехать сюда.

Ирен не нравилась эта интонация. Пренебрежение. Злая ирония. Она знала таких актрис-завистниц. Но режиссер... Это раздражало.

— Я рада вновь оказаться здесь, тем более в такой приятной компании.

— Да, я слышала, что с некоторыми актерами вас связывают особые... отношения. — Анна снова выиграла этот поединок, скользнув оценивающим взглядом по фигуре Ирен. И пока та пыталась сдержать ярость, протянула ей папку. — Сценарий. У вас есть час на подготовку, затем встречаемся на сцене для первой читки. Премьера через три дня, надеюсь, вы хорошо знаете свою роль.

— Не сомневайтесь.

Женщины обменялись холодными взглядами. Роберто Армани, до этого стоявший в стороне, обратился к Ирен:

— Вас проводить в гримерную?

— Нет, спасибо. Я помню, куда идти. Какой номер?

— Третий, как вы и привыкли.

Гримерная под номером три и правда была родной для нее. Разумеется, там бывали и другие, но Ирен все равно считала ее своей.

— Приятный сюрприз. Что ж...

— До встречи на сцене.

Анна добавила:

— Не опаздывайте.

— И вы.

Ирен старалась держать голову ровно и идти уверенно, чувствуя недовольный взгляд, пронзающий затылок. Специально свернула в зрительный зал, а не к служебным помещениям, чтобы больше ни с кем не сталкиваться. Ей предстояло выдержать много презрительно-удивленных взглядов, так пусть это случится как можно позже.

Театр был непривычно тих, шаги отзывались эхом в высоких сводах. Должно быть, сегодня планировалась только их репетиция. Впрочем, Ирен предупредили, что это на целый день. Сегодня. Завтра. Послезавтра. А потом — день премьеры. Она даже сняла номер в отеле неподалеку. Снова — с кредитной карты.

Главный зрительный зал театра «Олимпико» поражал своим масштабом и совершенством. Ярусы, уходящие вверх амфитеатром, были отделаны

темным резным деревом. Если поднять голову еще выше, можно было увидеть ряды бельэтажа и балкона, окаймленные перилами. Бархатные кресла, потертые на спинках, хранили отпечатки тысяч зрителей. Однако для Ирен главным здесь была сцена.

Глубокая и широкая, обрамленная тяжелым бархатным занавесом темно-рубинового цвета, она казалась святилищем. На нее не падал свет, как во время спектаклей и репетиций, и оттого в глубине сгущались таинственные тени. За пять лет ничего не изменилось.

Ирен стояла, замороженная, и потому вздрогнула от неожиданности, когда услышала голос.

— Эта сцена прекрасна и ужасна одновременно, правда? Мне пришлось рано ее покинуть, и с тех пор мне больно на нее смотреть.

Актриса обернулась и столкнулась взглядом с элегантным пожилым мужчиной в темно-синем костюме. Губы Ирен сложились в слабую улыбку.

— Синьор Альбини, рада вас видеть.

— Взаимно, синьора. Я не сомневался, что однажды вы вернетесь. Однако роль вы выбрали для этого неподходящую.

— Увы, выбора у меня не было.

Продюсер нахмурился, казалось, не одобряя. Он участвовал в организации нескольких постановок, где когда-то играла Ирен. Оказался одним из немногих, кто пытался за нее заступиться пять лет назад, но его усилий было недостаточно.

— Знаете ли вы прошлое этой пьесы?

— Да, я читала о гибели актрисы. Не знаю, был это несчастный случай или нет, но прошло уже столько лет. Такие истории не повторяются дважды. Проклятие — не более чем суеверный страх.

Не то чтобы Ирен совсем не боялась, но старалась избавиться от этой инородной тревоги всеми силами.

— Это был не несчастный случай, увы. И всякое суеверие имеет под собой основу.

— Я уже приехала. Не в моем характере отступать, вы знаете.

Продюсер грустно улыбнулся. Все в нем говорило об отсутствии покоя, взгляд выдавал нервозность, которая передалась и актрисе.

— Да, конечно. Разумеется. Берегите себя, Ирен. Давайте я вас провожу.

Она не стала спорить.

Путь до гримерной лежал через запутанные узкие коридоры с запахами краски, древесины и пыли, через костюмерную и лестницы. Слабый свет удлинял тени. Молчание ложилось на плечи плотным покровом, и в тишине гулко отзывались шаги.

Они остановились у старой двери с номером три и маленькой звездочкой сверху.

— Спасибо, что проводили.

— Всегда рад. Будьте осторожны. Ваша роль таит в себе слишком много загадок.

— Я буду осторожна, синьор Альбини. До встречи на репетиции.

Ирен проводила взглядом уходящего мужчину, смутно ощущая, что его предупреждения несут в себе больше смысла, чем кажется. С тяжелым сердцем она толкнула дверь.

Гримерная была небольшой, уютной, знакомой, но холодной. Тот же треснувший мрамор столешницы, то же большое зеркало в темной деревянной раме, та же лампа под золотистым абажуром. Только предметы на столешнице лежали уже другие.

Ирен провела рукой по резной спинке стула — на нем не было пыли. Кто-то все приготовил.

Актриса положила на стол папку со сценарием, опустила сумку и села, глядя на свое отражение. Кажется, она сильно постарела с тех пор как последний раз была здесь. Круги усталости под глазами не удавалось скрыть даже с помощью самых современных косметических средств. Небольшие морщинки. И самое главное — взгляд. Печальный и словно пустой.

В Милане она неделями жила ролью Коломбины — не веселой служанки из комедии дель арте, а уставшей, сломленной женщины из пьесы, женщины потерявшей веру в любовь и играющей улыбку сквозь слезы. И с пугающей легкостью находила в себе это отчаяние, это притворство.

Где-то наверху скрипнула половица. Театр жил своей жизнью, не обращая внимания на чужие страхи. Тот же звук повторился ближе, отзываясь на смятение актрисы. Послышались знакомые уверенные шаги. Они замерли прямо за дверью, и Ирен на миг задержала дыхание.

Затем дверь распахнулась без всякого стука. В проеме, освещенном искусственным светом, стоял тот, кого она и хотела, и страшилась увидеть. Лоренцо Беллини.

Его улыбка была ослепительной, нарочито небрежной, но в глазах, темных и насмешливых, читалось хищное оценивание.

Он не изменился. Вернее, изменился, но как отполированный временем камень — стал только острее, жестче, опаснее. И сердце актрисы предательски дрогнуло.

— Дорогая Ирен. — Его голос, низкий, с легкой хрипотцой, заполнил маленькую комнату, словно физически вытесняя из нее воздух. — Давно не виделись. Я уже начал думать, что ты придумала себе новую роль — отшельницы.

Мужчина сделал шаг вперед, и пространство гримерной мгновенно сжалось. От него пахло дорогим парфюмом, кожей и чем-то неуловимо тревожным, чего раньше Ирен не замечала.

— Лоренцо, — произнесла она, и собственный голос показался ей чужим, сдавленным. Не так она планировала его встретить.

— Целых пять лет... — Он медленно приблизился, не сводя с нее темных, почти черных глаз. В них читалось не любопытство, а знание. Слишком глубокое, слишком опасное. — Пять лет тишины. И вот ты здесь. Снова. Как будто и не уходила. Пытаешься казаться гордой, неприступной. Еще держишь на меня обиду?